

Именины — эпизод 7 из 13

Муж своей жены, мелкопоместный титуляр, которому посчастливилось жениться на богатой! Выскочка и юнкер, каких много! Щедринский тип! Клянусь богом, что-нибудь из двух: или он страдает манией величия, или в самом деле права эта старая, выжившая из ума крыса, граф Алексей Петрович, когда говорит, что теперешние дети и молодые люди поздно становятся взрослыми и до сорока лет играют в извозчики и в генералы! Это верно, верно... согласилась Ольга Михайловна. Позволь мне пройти. Теперь ты рассуди, к чему это поведет? продолжал дядя, загораживая ей дорогу. Чем кончится эта игра в консерватизм и в генералы? Уже под суд попал! Попал! Я очень рад! Докричался и достучался до того, что угодил на скамью подсудимых. И не то чтобы окружный суд или что, а судебная палата! Хуже этого, кажется, и придумать нельзя! Во-вторых, со всеми рассорился! Сегодня именины, а, погляди, не приехали ни Востряков, ни Яхонтов, ни Владимиров, ни Шевуд, ни граф... На что, кажется, консервативнее графа Алексея Петровича, да и тот не приехал. И никогда больше не приедет! Увидишь, что не приедет!

Ах, боже мой, да я-то тут при чем? спросила Ольга Михайловна.

Как при чем? Ты его жена! Ты умна, была на курсах, и в твоей власти сделать из него честного работника!

На курсах не учат, как влиять на тяжелых людей. Я должна буду, кажется, просить у всех вас извинения, что была на курсах! сказала Ольга Михайловна резко. Послушай, дядя, если у тебя целый день над ухом будут играть одни и те же гаммы, то ты не усидишь на месте и сбежишь. Я уж круглый год по целым дням слышу одно и то же, одно и то же. Господа, надо же, наконец, иметь сожаление!

Дядя сделал очень серьезное лицо, потом пытливо поглядел на нее и покривил рот насмешливою улыбкой.

Вот оно что! пропел он старушечьим голосом. Виноват-с! сказал он и церемонно раскланялся. Если ты сама подпала под его влияние и изменила убеждения, то так бы и сказала раньше. Виноват-с!

Да, я изменила убеждения! крикнула она. Радуйся!

Виноват-с!

Дядя в последний раз церемонно поклонился, как-то вбок, и, весь съежившись, шаркнул ногой и пошел назад.

Дурак, подумала Ольга Михайловна. И ехал бы себе домой.

Дам и молодежь нашла она на огороде в малиннике. Одни ели малину, другие,

кому уже надоела малина, бродили по грядам клубники или рылись в сахарном горошке. Несколько в стороне от малинника, около ветвистой яблони, кругом подпертой палками, повыверганными из старого палисадника, Петр Дмитрич косил траву. Волосы его падали на лоб, галстук развязался, часовая цепочка выпала из петли. В каждом его шаге и взмахе косой чувствовались умение и присутствие громадной физической силы. Возле него стояли Любочка и дочери соседа, полковника Букреева, Наталья и Валентина, или, как их все звали, Ната и Вата, анемичные и болезненно-полные блондинки лет 1617, в белых платьях, поразительно похожие друг на друга. Петр Дмитрич учил их косить.

Это очень просто... говорил он. Нужно только уметь держать косу и не горячиться, то есть не употреблять силы больше, чем нужно. Вот так... Не угодно ли теперь вам? предложил он косу Любочке. Ну-ка!

Любочка неумело взяла в руки косу, вдруг покраснела и засмеялась.

Не робейте, Любовь Александровна! крикнула Ольга Михайловна так громко, чтобы ее могли слышать все дамы и знать, что она с ними. Не робейте! Надо учиться! Выйдете за толстовца, косить заставит.

Любочка подняла косу, но опять засмеялась и, обессилев от смеха, тотчас же опустила ее. Ей было стыдно и приятно, что с нею говорят, как с большой.

Ната, не улыбаясь и не робея, с серьезным, холодным лицом, взяла косу, взмахнула и запутала ее в траве; Вата, тоже не улыбаясь, серьезная и холодная, как сестра, молча взяла косу и вонзила ее в землю. Проделав это, обе сестры взялись под руки и молча пошли к малине.

Петр Дмитрич смеялся и шалил, как мальчик, и это детски-шаловливое настроение, когда он становился чрезмерно добродушен, шло к нему гораздо более, чем что-либо другое. Ольга Михайловна любила его таким. Но мальчишество его продолжалось обыкновенно недолго. Так и на этот раз, пошалив с косой, он почему-то нашел нужным придать своей шалости серьезный оттенок.

Когда я кошу, то чувствую себя, знаете ли, здоровее и нормальнее, сказал он.